

7 ДНЕЙ
РОЖДЕНИЯ

Станислав
Елисеев

Станислав Елисеев
7 Дней Рождения

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Елисеев С.

7 Дней Рождения / С. Елисеев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Вы когда-либо задумывались о том, что будете делать, если на вашем счётчике остался один месяц? Счастье, строившееся годами, крошится вмиг из-за диагноза, хотя всего час назад казалось нерушимым. Всему виной 7 Дней Рождения.

Содержание

Предисловие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Предисловие

Данное произведение я хотел бы посвятить трем людям: один из них подарил мне жизнь, второй – настоящую любовь, третий – настоящую дружбу. Эта повесть показывает, насколько бесценны жизнь, любовь и дружба, в них заключается счастье, в погоне за которым мы теряем все ценности и забываем просто пожить.

Все упомянутые события и персонажи являются вымышленными, любые совпадения случайны.

Глава

I

Слегка горячий кофе оставлял сладковатый привкус на губах Вуда, а воскресный солнечный день наполнял светом большую уютную кухню. Стэнли Вуд – худощавый русский мужчина среднего роста сидел за столом напротив своей жены, отвечая на ее улыбку легким и непринужденным взглядом, и закусывал кофе шоколадным печеньем. Он каждый день проводил обеденное время с женой, так как работал через квартал от дома, но сегодня был особенный день – их пара праздновала 10 лет совместной жизни. Красивый бежевый дом Вудов находился на 71-й авеню города Куинс, штат Нью-Йорк – классическое с точки зрения моды двухэтажное здание ничем не отличалось от среднестатистического американского дома, но сам Вуд был влюблен в свой дом, как в нечто чудесное.

Во время очередного глотка Вуд почувствовал, как перестает контролировать свое тело, а в глаза ударило помутнение, его резко потянуло вниз, словно кто-то толкнул со стула. В следующий миг он уже лежал на полу, в осколках от любимой чашки, разлетевшихся по полу.

Пару мгновений он не слышал ничего – ни собственных всхлипываний, ни криков напуганной жены, не было даже гула в ушах – словно все в этом мире замолчало на несколько секунд, он почувствовал себя слепым и глухим, будто его одолела контузия. Немного позже ему полегчало, и он смог видеть и слышать сидевшую перед ним жену, которая пыталась привести его в сознание, водя перед его носом ватой, пропитанной нашатырным спиртом, и крича его имя во весь голос. Такой обеспокоенной и в то же время бесконечно красивой он не видел ее никогда. Рени – молодая женщина с длинными русыми волосами, напоминала богиню красоты, а нестандартная посадка глаз, аккуратные нежно-розовые губы и небольшое родимое пятно слева от носа с подросткового возраста сводили его с ума.

– Боже, Стэн, что с тобой!?! – нервно повторяла она.

– Милая, мне уже лучше, – выдавил из себя Вуд так, словно он снова учился говорить.

– Нет, я точно вызываю скорую помощь, и ты меня не остановишь!

В течение двадцати минут Вуд уже лежал на кушетке внутри кареты скорой помощи, а рядом с ним сидела его красавица-жена, безмерно переживавшая за него и не отводившая от него взгляда невероятно красивых голубых глаз. Единственное, о чем жалел Вуд в тот момент – это то, что он вынужден пропустить рабочий день, никого не предупредив об этом.

По прибытию в палату, санитары переложили Вуда на койку, после чего он смог оглядеться: его окружали лишь ровные белые стены, соседняя койка, два стула и тумбочка возле его кровати – точно психбольница.

Через мгновение в палате появился лечащий врач – молодой человек лет двадцати трех, напоминавший худощавого сурка, с выпяченными губами и странно некрасивыми глазами, он любезно закрыл дверь за санитарями, выходящими из палаты, после чего заговорил:

– Добрый вечер! Меня зовут мистер Джонсон, я буду вашим лечащим врачом.

– Доктор, насколько плоха моя ситуация?

– О, нет, мистер Вуд, вы в хорошем состоянии, ваши анализы довольно неплохие. Все будет в порядке!

– Я уже знаю, что у меня рак. Зачем, черт возьми, вы меня обманываете!? – тон Вуда был настолько высок, что его точно можно было услышать в соседних палатах.

– Простите, возможно, вы в заблуждении, но ваши анализы действительно не выявили ничего серьезного, – невозмутимым голосом продолжал доктор, словно он приноровился так врать каждому пациенту 24 часа в сутки, 7 дней в неделю.

– Ты и вправду считаешь, что я такой дурак!? Сколько мне осталось?

– Все зависит от вашего образа жизни. В запасе у вас есть как минимум 10 лет счастливой жизни, а дальнейшая жизнь только в ваших руках.

– Глупый сопляк! Я больше не хочу слушать твою ложь, просто вытащи меня отсюда, и я уйду поскорее!

– Но вы еще не поправились, в договоре об оказании помощи прописано, что пациент обязан находиться в палате не менее 5 дней или до полного выздоровления.

– Я подпишу любые бумаги.

– Простите, мистер Вуд, но это не входит в мои полномочия.

– Тысяча долларов.

– Я, правда, не могу помочь вам, – сказал доктор Джонсон с различным изменением в выражении лица.

Вуд сразу же заметил это изменение, глаза Джексона засверкали, как только до его слуха долетели слова о предлагаемой сумме.

– Послушай, парень, как тебя зовут?

– Кайл, сэр.

– Кайл, ты ведь определенно недавно окончил университет, хочешь зарабатывать, встать на ноги.

Мне осталось не больше полугода, ты знаешь это. Я не хочу провести столь ценное время в вонючей палате, когда меня дома ждет беременная жена и дочь. Представь, что твой отец умирает в чертовой палате госпиталя! Я заплачу тебе две тысячи, Кайл.

– Я сделаю все, что смогу, мистер Вуд.

– Только как можно быстрее.

Спустя мгновение молодой человек уже закрывал дверь с другой стороны. Стэн знал, что все врачи работают за цену, только у каждого она своя, и знал он также, что этот молодой человек долго себя ждать не заставит, ведь ему предложили ту цену, от которой он не в силах отказаться. Стэн в шутку даже засек время, заключив с самим собой пари – Кайл придет не позже, чем через 20 минут, но учитывая медлительную походку молодого врача, прибавил еще 2-3 минуты, ведь Кайлу нужно проехать на лифте несколько этажей.

Не прошло и 10 минут, как дверь в палату открылась, и снова в бледное помещение влетел более яркий, режущий глаза свет. Однако это был не Джонсон – это была женщина. Дама лет пятидесяти, необычайно харизматичная и добродушная особа с короткой светлой стрижкой и родинкой возле губы, словно Мэрилин Монро в возрасте.

– Добрый вечер, – тихо, почти шепотом, проговорила дама – не спрашивайте, кто я, не задавайте лишних вопросов, и тогда я смогу вам помочь.

– Помочь в чем!? – удивился Вуд.

– Я проходила мимо вашей палаты, когда вы кричали на врача. Вы спрашивали, сколько вам осталось, только вы понадеялись, что здесь вам ответят, – женщина ухмыльнулась – Увы, вы ошиблись.

– Это я уже понял. Но где я могу узнать?

– Для этого я и зашла в вашу палату. По этому адресу вы найдете ответы на все свои вопросы, – женщина положила небольшой кусок бумаги под книгу, лежавшую на тумбе – Вы сами понимаете, что я пробралась сюда на свой страх и риск, поэтому вы меня не видели и не знаете. Та дамочка, что была обеспокоена моим проникновением сюда, – вы ее знаете?

- Хм, наверное, вы говорите о моей жене.
- Так даже лучше, она тоже должна умолчать об этом.
- Как вы здесь оказались, и для чего я вам нужен? – недоуменно глядя на нее, спросил

Вуд.

– Но, но, но. Я же просила не задавать вопросов. Это может навредить нам обоим. Мне нужно идти, вероятно, ваш врач вернется с минуты на минуту.

– Я предложил этому сопляку две тысячи долларов за свою выписку, он прилетит, – Вуд взглянул на часы с мыслью о пари с самим собой – не больше чем, через 5 минут.

– В таком случае мне нужно срочно бежать. Всего доброго!

– Спасибо за помощь. До свидания!

Вуд, не глядя, вытащил бумажку из-под книги и прочел адрес – это место находилось в нескольких кварталах от его дома – на 63-й авеню. Он не был уверен, стоит ли доверять этой даме, ведь он находил в ее действиях нечто подозрительное. Он постарался вспомнить, сколько столь благородных людей он встречал за последние лет десять, но все мысли заходили в тупик. Вуд также понимал, что и терять ему нечего, ведь каждый день на счету, а знать всю правду он хотел так же сильно, как не хотел рассказывать эту правду своей семье.

Стэн свернул листок и положил его обратно. Чуть позже он вспомнил о том, что время окончания пари на исходе – с момента начала прошла 21 минута.

– Я не могу ошибаться – сказал себе Вуд.

Спустя минуту Вуд уже начал покусывать нижнюю губу от нетерпения, покручивая канцелярскую ручку тремя пальцами, как вдруг дверь распахнулась с неведомой силой, а в нее влетел доктор Джонсон почти бегом, по пути уронив стул, стоявший рядом с соседней койкой. Вуд испытал ощущение, будто Джонсон также участвовал в споре и висел на волоске от того, чтобы проиграть обещанные деньги, но доктор вернулся в назначенное время.

– Ох, это вы, так скоро! – с тактичностью и легким упреком заявил Вуд

– Да, у меня есть некоторые подвязки. Я договорился с одним человеком, вас выпишут через пару часов, осталась пара незначительных действий с документами, – с легкостью в выражении лица ответил Джонсон.

– Какой индюк, я и не сомневался в этом! – подумал Вуд

– Отлично, за это время я, как раз, успею собраться.

– Нам нужно собрать кое-какие сведения, а вам нужно расписаться здесь, здесь и здесь, – судорожно водя пальцем по листу, проговорил Джонсон.

– Да, конечно!

Через час Вуд уже сидел в верхней одежде на койке, ожидая лишь разрешения Джонсона. От безделья он решил почитать книгу, лежавшую на тумбе, – «На западном фронте без перемен» – роман Э.М. Ремарка времен второй Мировой войны, который научил его уважать дружбу и любить жизнь, этот роман он впервые прочел еще мальчишкой и полюбил его настолько, что прочел его более десяти раз. Когда он взял книгу, клочок бумаги слетел с тумбы, ударившись об пол, словно неудачно сложенный бумажный самолетик.

– Чуть не забыл, растяпа! – пробурчал себе под нос Вуд, положив клочок бумаги в задний карман джинсов, и принялся за чтение.

Джонсон появился через 20 минут. Он дал Вуду несколько бумаг для подписи. Кошачий взгляд врача полностью выражал его меркантильность. Наверное, никто на свете не обладал таким наглым взглядом, каким обладал доктор.

– Ах, да! Тебе ведь нужны деньги. Держи, – Стэн протянул молодому человеку несколько купюр.

– Благодарю вас, мистер Вуд. Всего доброго, поправляйтесь! – слащаво выпалил Джонсон, будто заученный текст.

– Ты еще смеешь шутить. Боже, надеюсь, я больше никогда тебя не увижу, юный душегуб!

Не дожидаясь ответа, Вуд вышел из палаты. Вуд не разобрал, что пытался донести Джонсон – юмор или искренние пожелания, тем не менее, проницательный врач достал его настолько, что Вуд готов был кинуть в него чем-то. Вуд почувствовал свободу после того, как подписал все бумаги и отдал деньги, почувствовал, что может высказать врачу все, что угодно. Он решил сказать правду.

В коридоре на скамейке, находящейся метрах в десяти от палаты Вуда уже ждали его жена и дочь Стефани, а с ними и сотни вопросов о самочувствии, диагнозе и произошедшем.

– Папочка! – голос Стефани раздался на весь коридор, словно его издавал мегафон, когда этот голос долетел до Вуда, бежавшая на всех парах Стефани уже взбиралась к нему на руки.

– Стэн, ты сильно нас напугал, мы волновались за тебя, – вытирая слезы с глаз, произнесла Рени. -

Как ты себя чувствуешь? Что сказал твой врач, все в порядке? Почему тебя выписали так быстро!?

– Все хорошо, – как ни в чем не бывало, ответил Стэн.

– Папочка, мы очень боялись, – проговорила в плечо Вуду заплаканная Стефани, крепко вцепившаяся в него обеими руками.

– О, малышка, с папой все в порядке, иначе бы меня не выписали, – с натянутой улыбкой произнес Стэн.

Жена и дочь лишь печально улыбнулись настолько синхронно, словно репетировали этот номер, пока ждали Стэна.

– Папочка, а почему мы идем домой пешком? – после нескольких мгновений молчания спросила Стефани.

– Милая, я приехал сюда не на машине, – ответил Стэн.

– А на чем?

– На такой большой красивой машине с сиреной, – с улыбкой произнес Стэн.

– Почему с сиреной?

– Так люди уступают дорогу, чтобы меня быстрее довезли в больницу.

– А зачем быстрее?

– Мне было больно, милая.

– А почему больно?

– Стефи, не приставай к папе, он устал, – сделала замечание Рени, с нежностью глядя на любознательную дочь.

Стэн проходил по этим улицам сотни раз, эти улицы были знакомы ему еще с детства, каждый дом он знал почти наизусть, но именно в тот раз он всматривался в каждый дом, заглядывал в каждое окно с особым интересом, словно турист. В каждом окне он видел жизнь – ту самую жизнь, которую он пытался удержать, которая текла своим чередом и ускользала от него сквозь пальцы.

В каждом окне, где горел свет, было нечто особенное: кто-то готовил себе кофе, кто-то готовился ко сну, кто-то наряжался для выхода, в каком-то из окон второго этажа девочка смотрела мультфильмы, но больше всего веяло жизнью, по мнению Стэна, от молодой блондинки, что стояла на балконе в одном нижнем белье, наслаждаясь красотой вечернего города и чашкой кофе. Стэн чувствовал себя очень несчастным, ведь в его жизни чего-то не хватало – он не мог просто так выйти на балкон и наслаждаться происходящим вокруг. Всматриваясь в таблички домов и окна каждой из квартир, Вуд искал именно ту квартиру по адресу с клочка бумаги – адресу, по которому ему могли помочь.

– Папочка, что с тобой?

– Все в порядке, малышка – автоматически ответил Стэн, не задумываясь и не слыша вопроса, в тот момент он не слышал ничего.

И только ясное звездное небо нависало над ними, создавая невероятный пейзаж, в котором лежала полная белая луна, словно огромный игрушечный мяч на полу детской комнаты.

Они шли по тихому вечернему городу – было настолько пустынно, что они могли слышать эхо своего смеха и голоса, а если бы они замолчали и прислушались, то могли бы даже услышать крики споривших супругов, доносившиеся с одного из верхних этажей. Семья Вуд нарушала покой улиц своим присутствием – они громко шутили и смеялись, ели ванильное мороженое, которое до потери пульса любила Стефани, и напевали песни из ее любимых мультфильмов. Стэн пытался поддерживать разговор обычной счастливой семьи, поэтому старался не показывать свой жадный взор на таблички домов. Он шел и смеялся, с улыбкой отвечая на вопросы любопытной дочери, но думал он совсем о другом. В его голове таилась правда: та самая правда, о которой он не рассказывал никому: ни любимой жене, и тем более ни своей маленькой дочери, не говоря уже о друзьях и коллегах. Правда о его заболевании – рак мозга – диагноз, который наводил на него беспокойство и страх, от одной мысли об этой правде его бросало в дрожь.

Семья Вуд проходила мимо еще одного одинакового дома, который ничем не отличался от других. Стандартный одиннадцатизэтажный дом из красного кирпича будто особняком стоял среди своих братьев-близнецов.

Стэн уставил взгляд в табличку на углу дома и замер – он увидел нужное число – именно тот номер дома, в котором ему в скором времени предстояло побывать. Он не мог говорить и шевелиться, его лоб полностью покрылся испариной, щеки покраснели, а через какое-то время он почувствовал жар. Сейчас скрыть свой взгляд было невозможно.

– 48... Именно тот дом. Тот самый – подумал Вуд.

Только по истечению пары минут он стал слышать посторонние звуки, например, и то, что до него пыталась достучаться жена:

– Да что такое с тобой происходит!?! – с возмущением спросила Рени.

– Ров-ровны-ным с-счетом ничего, – выговорил Стэн. Опустив голову, он увидел, как с большим страхом во взгляде, на него смотрела его дочь. Было видно, что она не могла узнать своего родного отца – того жизнерадостного и сосредоточенного человека, который любил ее больше всех, всегда выслушивал и не отводил от нее взгляда. Сейчас он был совсем другим.

– Стэн, ты выглядишь растеряно, – вновь заговорила Рени.

– Не придумывай. Я просто задумался о работе, – резко бросил Стэн. Эту фразу он теперь всегда держал наготове. В голове же он просчитывал этаж, на котором находилась квартира, предполагая, на какую сторону выходят окна.

– На внешнюю, – подумал Стэн, – Пятый. Сегодня мне везет.

Он попытался разглядеть квартиру через окно, но был удивлен – через самое обычное двустворчатое окно с немного прикрытыми желтыми жалюзи можно было видеть стандартный белый потолок и не менее заурядную люстру желтовато-белого цвета с узорами в виде привычных всем хризантем. С его души словно упал груз – по иронии судьбы это была всего лишь очередная квартира в одном из кварталов Куинса, как у каждого второго жителя нашей планеты.

Спокойствие – единственное, чего не хватало ему в тот момент, кроме здоровья, счастья, понимания происходящего и еще пары десятков благ среднестатистического человека. Он даже стал более искренним при разговоре с женой и дочерью. Он считал, что выполнил самое важное для себя задание.

Они шли и болтали обо всем: о радужных мечтах, о красивых животных, о еде, о том, чем будут заниматься, когда придут домой, о том, что им делать дальше. Стэн и Рени спрашивали дочь о желаниях и мечтах, рассказывали о своих, когда были в ее возрасте. Разговор заходил и о болезни Стэна, но он плавно перевел тему к тому, что стоит зайти в магазин, чтобы купить

чего-нибудь к завтраку. Вуд стал самим собой – невозмутимым и отлично контролирующим свои эмоции человеком, он почувствовал себя просто счастливым отцом и любящим мужем.

За полчаса прогулки маленькая Стэффи устала и взобралась на руки Стэна, еще через полчаса – уткнулась в крепкое плечо отца и задремала ангельским сном, лишь немного раскрывая маленькие губы при каждом вдохе – каждом глотке воздуха. В тот момент Стэн задумался: как сильно мы зависим от вдохов – всего лишь вдох и выдох – банальные сокращения диафрагмы, которые позволяют нам дышать, но что значит для нас это «дышать»? Дышать – значит, чувствовать, а чувствовать – значит, жить, находиться в здравии и трезвом уме. И все же что такое жизнь? Вуд еще не успел до конца разобраться в этом, как скоро ему предстояло и самому лишиться жизни – не чувствовать, не жить, не дышать – в скором времени и его диафрагма перестанет сокращаться и растягиваться. Вуд ощущал себя и счастливым, и обреченным одновременно. И в этом ирония жизни, абсурд всего нашего бытия – каждый из нас в любой момент жизни и счастлив, и несчастен одновременно, даже если живет, не подозревая об этом.

Маленькая Стэффи была счастьем всей жизни для Стэна, она была его радостью и любовью, тем маленьким человеком, ради которого он был готов на большие дела, только ее он любил больше, чем свою жену. И вот этот самый любимый человек спит у него на руках, а ее вздохи заставляют размышлять его о бренности бытия. Но в этот миг он мог быть спокойным – ему еще хватало сил нести одной рукой дочь, а другой держать жену за руку. Он знал, что в мыслях жены сейчас только одно – счастье. Их совместные прогулки были настолько редкими, что каждая из них приносила больше счастья, чем цветы, которые он дарил Рени 26 числа каждого месяца. Его дочь выглядела счастливой, ласково посапывая на его плече. Он был счастлив. Придя домой, Стэн и Рени уложили Стэффи в кровать, после чего сами погрузились в сон в своей спальне в течение пяти минут.

Стэн проснулся рано утром – чуть раньше семи. Его разбудил оглушительный удар по голове. Он резко открыл глаза и увидел, что кроме спящей жены рядом с ним никого не было. Первая мысль, что пришла ему в голову – Стэффи встала ни свет, ни заря и решила пошалить – разбудить папу и спрятаться. Затем, услышав включенный телевизор из гостиной, он полностью осознал картину – удар был нанесен не снаружи, а изнутри головы, его нанес ему собственный организм, его родной мозг бьет по своим же нервным окончаниям, подавая сигналы о том, что внутри головы уже давно происходит революция – какое-то инородное скопление пытается бунтовать внутри его мозга. На мгновение он потерял зрение и получил еще один оглушительный удар. Несколько минут он не мог шевелиться от боли, но пытаясь не подавать и звука, чтобы не разбудить жену, он стиснул зубы. Когда боль ослабла, он обратил внимание, что прикусил губу до крови. Мысль о том, что он причиняет боль самому себе, казалась ему абсурдной, но фактически так оно и было.

– Черт возьми – подумал Стэн.

Встав из постели, он пошел в ванную, чтобы умыться. На первом же шагу его схватило головокружение, не понимая ничего, он доковылял до ванной, где рухнул на раковину, вцепившись в нее руками. Придя в себя, он почувствовал резкий позыв рвоты. Умываясь, он взглянул в зеркало:

– Твой конец уже близок, дружище, но с этим ничего не поделаешь. Смирись!

Спускаясь по лестнице, Вуд увидел, что в гостиной перед телевизором сидела его дочь и смотрела любимый мультфильм про радужную лошадь, именно этот мультфильм он ненавидел всей душой.

– Доброе утро! Стэффи, я же просил тебя не смотреть это!

– Папочка, но это мой любимый мультик – не отворачивая головы от экрана, проговорила она

– Эта штука зомбирует всех вас – пробормотал Вуд и направился в сторону гардероба. Переодевшись, Вуд с порога крикнул:

– Милая, я должен идти, скажи маме, что вернусь поздно, хочу после работы увидеться с ребятами.

– Но сегодня должен работать дядя Вальдо.

– У нас деловая встреча, я тоже должен присутствовать там.

– А с какими ребятами?

– Там будет много твоих знакомых – Артур, Уайт, Дэнис, Гарри, Кинг.

– А дядя Вальдо?

– А дядя Вальдо, скорее всего, останется на работе до самого утра.

– Хорошо, папочка – с трудом выговаривая некоторые буквы, выкрикнула Стэффи.

– Будь умницей, слушайся маму!

В этот момент Вуд пожалел, что позволял дочери вдаваться в такие подробности своей работы. Выйдя из дома, он сел в свой Porsche 911 Carrera GTS, припаркованный на стоянке прямо возле крыльца – Белого коня, как называл его Вуд, он любил эту машину всей душой и ездил на ней только по работе, если же он ехал не на работу, то выгонял из гаража простоватый, в сравнении с Porsche, черный Volkswagen Polo, который был словно козлом отпущения в глазах Вуда, недостойным для столь важных дел, для которых предназначался роскошный Белый конь. Резко рванув с места, Вуд доехал до перекрестка и повернул направо, направляясь в сторону работы, однако на следующем же перекрестке он повернул направо, объехал квартал и поехал в противоположную сторону, сейчас он точно осознавал, что хочет знать всю правду, невзирая на то, что встреча с партнерами и Вальдо действительно намечалась и вот-вот должна была начаться. Он решил направиться по другому адресу.

– Сорок восьмой, сорок восьмой, сорок восьмой – нервно проговаривал он вслух. Такого волнения он не испытывал ни разу в своей жизни. Вуд знал этот квартал наизусть с раннего детства, но словно заблудился в реальности и позабыл все, на какое-то время он испытал страх из-за того, что это могла быть частичная амнезия, как еще одно последствие его заболевания, но позже он собрался с мыслями и взял себя в руки.

Через десять минут Вуд был на месте, он оставил машину возле закусочной, находившейся через дорогу от нужного дома, для убедительности своей версии, даже купил бутылку воды, чтобы кто-то в закусочной мог запомнить его. Вуд перебежал через дорогу и направился к сорок восьмому дому, подходя к подъезду, он разглядывал всех людей, кто бы мог его видеть, надеясь не разглядеть среди них знакомых.

Вуд перебирал ногами лестницы, одна за другой, попутно размышляя обо всем: «Что делать, если это просто глупый розыгрыш, а что, если меня собираются убить? Что, если правда окажется хуже, чем я думаю? Что, если смерть настигнет меня уже завтра? Как дальше будет жить моя семья?» Он даже не заметил, как ускорил темп до бега и через пару мгновений, он добежал до нужной двери. Вуд слегка постучал в дверь пару раз, но реакции не последовало, тогда он постучал громче – никто не ответил, он решил дернуть за ручку – дверь была не заперта.

Вуд стоял на пороге чужой квартиры, загадочность ситуации в разы увеличивала адреналин в его крови, он с трудом верил, что в столь странной ситуации квартира оказалась совсем обыкновенной, и судя по всему, в этой квартире жила одинокая девушка: справа от Вуда стояла подставка для зонтов, в которой находился один зонт красного цвета, а на вешалке гардероба висели только женские кожаное пальто и черная дубленка – судя по размеру одежды, девушка была невысокой. На полке стояли черные сапожки средней высоты – примерно такими же были наполнены журналы о свежих коллекциях одежды и обуви, которые читала его жена. Милый коврик с надписью «Home, sweet home» на входе перевел дух Вуда. Еще пару минут он стоял как вкопанный и даже не представлял своих дальнейших действий, его голову посещали

миллионы мыслей, но чаще пробежала всего одна фраза: «Чем мне может помочь маленькая и хрупкая девушка, которая одевается по последним пискам моды!?»

– Эй, здесь есть кто-нибудь!? – преодолев нерешительность, крикнул Вуд.

Ответа не последовало.

– Ээй! – Вуд повторился уже более высоким тоном.

Уже не надеясь услышать ответ, он прошел по коридору. В конце небольшого уютного зала с бежевыми бумажными обоями, украшенного обычными девичьими безделушками, на кожаном черном диване сидела рыжая фигуристая девушка, уставившаяся в одну точку где-то посередине стены, прямо перед ней стоял чайный столик, забросанный белыми листами с надписями, напоминающими что-то вроде телефонных номеров и имен. Вуд прошел в комнату, встав прямо перед девушкой – со стороны это выглядело, будто школьник пришел в кабинет директора, которая намерена выругать ученика за плохую успеваемость. Вуд сходу обратился к ней:

– Боже, это какая-то шутка? Почему вы игнорируете меня!?

– Простите, мистер Вуд, слегка задумалась.

– Откуда вы знаете, кто я?

– Даже не знаю, с чего начать, и как вам объяснить это.

– Уж попробуйте! Кто та женщина, которая ворвалась в мою палату, почему она посоветовала мне вас, и почему она столь подозрительна?

– Ах, вы о миссис Картер? Она одна из тех людей, которым я помогаю? Я называю их своими подопечными. Миссис Картер – очень милая женщина, не знаю, почему она показалась вам подозрительной.

– Вы считаете, что каждый человек может зайти в чужую палату, дать чей-то адрес, обещая какую-то помощь, и просит не задавать лишних вопросов!?

– О, вы об этом. Миссис Картер просто заботилась о нашей безопасности.

– О какой помощи и безопасности идет речь? Я не понимаю, ровным счетом, ничего. Ваша, так называемая, подопечная сказала, что здесь я узнаю ответы на все свои вопросы.

– Именно так, и я готова ответить на них прямо сейчас.

– Отлично. Кто вы такая, и в чем заключается ваша помощь?

– Меня зовут Вивьен Суини, – произнесла девушка, после чего отвернулась и замолчала.

– Вы немного странная, Вивьен, – заговорил Вуд, девушка вздрогнула, после чего с удивлением взглянула на Вуда. – Суини. Вы ирландка? – после недолгого молчания спросил Вуд.

– Мои прадед и прабабушка ирландцы по происхождению, но вынуждены были переехать из Корка после начала Первой Мировой Войны, они ждали ребенка. Мой дедушка, Райан Суини, родился уже здесь, в Нью-Йорке.

– У вашей семьи, видимо, интересная история, но больше всего меня интересуют вы.

– Что же вас интересует, мистер Вуд?

– Как минимум то, что вы знаете мое имя, но откуда?

Девушка заметно изменилась в лице, вздохнула, после чего заговорила:

– Все началось с самого моего рождения: у моей матери были проблемные роды, врач сказал, что у меня есть некоторые отклонения в головном мозге, и, возможно, я останусь инвалидом на всю жизнь, но мои отклонения вылились в способности, которые не под силу каждому человеку. С малого возраста меня начали преследовать странные видения.

– Звучит немного странно, – перебил Вуд.

– Вам стоит послушать меня, – продолжила Вивьен. – Когда мне было 6 лет, мы с мамой прогуливались домой из магазина: я увидела милого щенка во дворе соседского дома, подошла погладить его и упала в обморок. Моя мать тут же вызвала скорую, но я пришла в себя до их приезда. Из моего носа шла кровь, но чувствовала я себя нормально. Нам все же пришлось проехать в госпиталь. Будучи уже в палате, я рассказала маме о том, что видела, пока была не

в сознании: я видела свою бабушку, а из ее тела, из середины живота, исходил красный сигнал. Позже я увидела, что бабушка идет по черной тропинке. Мать не придавала этому значения и сказала, что это просто сон. Через месяц моя бабушка умерла от рака поджелудочной железы, о котором она узнала только за два дня до своей кончины.

– Очень занимательная история, но к чему она? – вновь перебил Вуд.

– Прошу вас, не перебивайте меня. В следующий раз я потеряла сознание в первом классе, и у меня вновь было видение – по черной дорожке шла моя одноклассница Джейн, красный свет доносился из ее грудной клетки. Через месяц маленькая Джейн Эллиот скончалась от рака легких. После этого я поняла, что вижу людей, умирающих от разнообразных болезней, и даже вижу, в какой части тела находится изъян, – Вивьен вдруг снова замолчала.

– Продолжайте, – нарушил молчание Вуд.

– Думаю, дальше вы сами понимаете.

– Я не понимаю вас.

– В данный момент моя особенность дошла до той степени, когда я вижу личность человека, чем он занимается, где он живет. Я пытаюсь найти каждого человека, которого вижу в своих видениях, и сказать ему о его проблеме, помочь ему справиться с мыслями, привести дела в порядок. Именно поэтому я называю их своими подопечными. Миссис Картер – та безобидная женщина, проникшая в вашу палату – одна из моих подопечных, она страдает от сердечной недостаточности. Через 10 дней, рано утром, ее снова схватит приступ, и она скончается в кровати собственной квартиры.

– То есть вы хотите сказать, что вы сумасшедшая ясновидящая, которой снится чужая смерть, и вы лично находите этих людей и говорите им о том, что они умрут через месяц!? И при всем при этом вы называете это помощью?! – выпалил Вуд, придя в гнев.

– С вашей точки зрения, примерно так и есть, – с неким смущением ответила Вивьен.

– Отлично, с тем, кто вы такая, мы разобрались! – с ухмылкой сказал Вуд. – Теперь о другом – по какой причине здесь нахожусь я!?

– Вы еще не догадались... Я все пытаюсь до вас донести это. Два дня назад, когда вы потеряли сознание на кухне, у меня было очередное видение – в нем были вы! Ваш рак мозга... Я все знаю,

– Вивьен выдохнула полной грудью, Вуд слушал ее молча. – Следующее полнолуние случится через 29 дней, 19 июля, оно заберет вашу жизнь, как и всех моих подопечных. Вас погубят 7 дней рождения.

Вуд засмеялся, постепенно его смех перерос в истерический.

– 7 дней рождения!? Полнолуние? – сквозь смех выговорил он.

– Так оно и есть, – абсолютно серьезно ответила Вивьен. Вивьен понимала Вуда, ведь он далеко не первый, кто впал в истерику, узнав страшную правду. И вряд ли кто-то смог бы отреагировать нормально, узнав от незнакомого человека о том, что ему остается жить считанные часы.

Вуд переменялся в лице:

– Какие 7 дней рождения? – спросил он с любопытством.

– Все, что будут сопровождать вас в этом отрезке времени.

– Но... Скоро дни рождения у меня и моей дочери, а со дня на день моя жена должна родить.

– Да, я знаю. Именно эти дни рождения и будут сопровождать вас.

– Как я могу исправить это? Это какое-то проклятие, как снять порчу?

– Я не знаю, порча ли это, и уж тем более не знаю, как ее снять. Я не ведьма и не гадалка, я просто вижу судьбы людей. И это ваша судьба, к сожалению, от нее не уйти. В моей практике не случалось спасений.

– Быть может, я стану исключением, ведь что-то еще возможно сделать? Я пойду на химиотерапию, я сделаю операцию, у меня есть на это деньги.

– Мистер Вуд, я вынуждена признать, что все кончено. Если бы я видела ваше исцеление, я бы обязательно сказала вам об этом. Вам стоит собраться с мыслями и принять правильные решения, чтобы оставить своей семье еще что-то помимо денег, – совершенно спокойно ответила девушка, последние ее фразы уже не доходили до Вуда, который уставил свой бешеный взгляд в одну точку.

Истерика и шок Вуда сменились недоверием и агрессией:

– Вы шарлатанка, я не верю ни единому вашему слову! Я не знаю, чего вы хотите от меня, но я вам не верю! Обманщица!

Не желая слышать ответа, Вуд развернулся и рванул с места к выходу. Выбежав из квартиры, Вуд побежал на лестницу. Скорость мыслей, пролетающих в его голове, в тот момент превышала скорость света.

– Шарлатанка! Обманщица! – кричал Вуд, перепрыгивая по 2-3 лестницы за один шаг.

Выбежав из подъезда, он остановился отдышаться, его дыхание было сбито. Раскаты грома перебивали все звуки жизни, ливень за несколько секунд превратил одежду Вуда в половую тряпку. Сквозь перебитое дыхание Вуд вышептывал:

– Шарлатанка!

Он вытащил из кармана бутылку воды. Отпив немного, он смог взять себя в руки, после чего решил пойти к машине.

– Жизнь несправедлива, друг мой. Если ты не причинил никому вреда, то жизнь причинит его тебе – именно эта фраза занимала его внимание всю дорогу.

Подойдя к машине, Вуд огляделся. Рядом с закуской, в которой он уже бывал в тот день, находился бар с незамысловатым названием «Техасский конь». Он решил поступить так же, как поступил бы любой мужчина на его месте – напиться до потери сознания.

Войдя в заведение, Вуд обратил внимание на три выделяющиеся вещи – изображение улыбающегося коня в шляпе, выполненное из лампочек разных цветов, бармена, который умело перебрасывал через себя бутылку бурбона, и мужчину, который спал за дальним столом лицом в миске из-под сэнгов. Помещение напоминало захудалый спорт-бар, и уж явно не было похоже на элитное заведение – справа от входа вряд стояли три стола со скамейками, слева же находилась барная стойка с небольшим количеством стульев. За барной стойкой сидели всего два гостя, на телевизоре, висевшем за спиной бармена, показывали очередной обзор на вчерашний баскетбольный матч – в этот день все телевизоры страны трезвонили только об одной новости: «Кливленд Кавальерс» – новоиспеченные чемпионы НБА, которые тяжелым трудом выиграли, казалось бы, провальную финальную серию, а ЛеБрон Джеймс – новый «Бэтмен» штата Огайо, Кайри Ирвинг же стал новым «Робином».

Над столами и барной стойкой висели конусообразные люстры, издававшие тускловатый свет, который придавал бару необыкновенную атмосферу тишины и умиротворения, именно он превращал помещение в нечто большее, чем просто захолустный спортивный бар, его лучи приносили что-то милое и в то же время нечто несуразное, ведь люстры были настолько широкими, что свет от них не помещался на поверхности столов, резко обрываясь на их краях и падая на пол.

– Милое местечко у вас тут, – произнес Вуд, взобравшись на стул, при этом не отводя взгляда от мужчины, который видел сны прямоком из тарелки. – Наливают у вас, видимо, тоже неплохо, – Вуд кивнул головой в сторону спящего.

– Если ты про Эрни! Если ты про Эрни, то... То у него просто неудач... Неудачный период в жизни, – запинаясь, произнес мужчина, сидевший на соседнем стуле от Вуда. На вид ему было лет 50-60 – толстый лысоватый мужчина с щетиной из седых волос, таких же седых,

как и небольшая копна, оставшаяся на его голове, и выпиравшим пивным животом из-под майки «Бруклин Нетс» с номером 8. По запаху перегара, веявшего от его натуры, можно было определить, что находился в баре он не первый час и успел выпить за время своего нахождения достаточно, для того чтобы путать местами буквы и проглатывать окончания в словах.

– Думаю, сейчас у всех не самое простое время, – ответил Вуд, повернувшись в сторону собеседника.

– Не уверен, что у вас дела похуже, чем у Эрни. Эрни по-понижили на работе, и из-за этого от него ушла жена. Но по-последней ка-каплей стало то, что вчера «Кливленд» вырвал по-победу у «Голден Стэйт». Эрни очень любит «Голден Стэйт», после их по-поражения он со-сорвался и начал пропивать деньги, отложенные на отпуск с женой. Они ведь ему все равно уже не... Не пригодятся! – ухмыльнулся перебравший фанат баскетбола и алкоголя.

– А вы оптимист! Кстати, забыл представиться, – Стэнли Вуд. Сегодня я узнал, что мне осталось жить всего месяц, поэтому дела вашего Эрни еще ничего! Я планирую дойти примерно до такого же состояния, как и он.

– Ди-Диккенс. Уолтер Диккенс. Увы, вынужден со-согласиться, ваши проблемы – хуже некуда, и вы выбрали подходящее место для того, чтобы на-напиться в компании несчастных людей.

– Великолепно! Тогда мне, пожалуйста, то же, что пил печальный парень по имени Эрни.

– О, мистер Вуд, не советовал бы вам! Эрни выпил три порции «Бешеного коня», а перед этим три порции «Карусели», – вмешался в разговор бармен.

– Наслышан о «Карусели», но впервые слышу о «Бешеном коне», мсье, – ответил Вуд.

Старик Диккенс рассмеялся:

– Слышишь, Мартин, этот парень здесь впервые! – Диккенс ткнул локтем в руку своего товарища. Мартин молча ухмыльнулся в ответ. – «Бешеный конь», мистер Вуд, фирменный напиток данного заведения, его рецепт прост – смешать в хаотичном порядке весь алкоголь, который вы только можете найти на полках. Не думаю, что вам под силу такой своеобразный напиток.

Внезапно спящий в конце зала мужчина встрепенулся:

– «Бешеный конь»? Шон, повтори! – вскрикнул он и вмиг засопел в сидячем положении, даже не опустив головы.

– Лучше при нем не говорить об этом коктейле, – пошутил Шон – бармен и, по его словам, администратор, менеджер и владелец данного заведения – худощавый молодой человек лет 25, обладающий модельной внешностью. Его прическа напоминала Вуду какого-то знаменитого актера, а его прищуренный взгляд зеленых глаз был похож не на дефект зрения, а на недоверчивое отношение к каждому посетителю.

– Пожалуй, остановлю свой выбор на Лонг Айленде, – подумав, ответил Вуд.

– Отличный выбор, – сказал Шон.

– Почему ваш друг Мартин не проронил ни слова? – поинтересовался Вуд.

Мартин попытался показать что-то жестами, но Вуд ничего не понял.

– В этом и со-состоит проблема Марти – он уже до-долгие годы нем, как рыба, но никто из окружения не понимает язык же-жестов, поэтому он может лишь помотать го-головой. Пятнадцать лет назад наемники конкурентов забрались в его дом, пристегнули его к батарее и на глазах изнасиловали и убили жену, а ма-маленького сынишку пристрелили во сне, обчистили дом до нитки и скрылись с места преступления. По-подонков так и не нашли, а Мартин после пережитого потерял дар речи и долго не мог прийти в себя.

Мартин печально пожал плечами и кивнул головой.

– Хорошо, мистер Диккенс, тогда что, кроме запоя, печалит вашу жизнь?

– Я б-богат. Сказочно и несметно. Но всю свою жизнь я настолько был увлечен де-деньгами, что так и не нажил себе семьи. И вот сейчас, когда мне уже далеко за 40, я абсолютно

не-не знаю, чем мне себя занять, и чего я хочу от жизни. Кстати, се-сегодня я угощаю всех посетителей бара. Сегодня я праздную свой День Рождения.

– Проклятье! – вскрикнул Вуд, прервав разглагольствования Диккенса о несчастье, он вспомнил о своей «порче». Сначала Вуд хотел встать и выбежать из бара, но позже понял, что терять ему уже нечего, а День Рождения уже столкнулся с ним лицом к лицу. – Минус один!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.